

ТУРИСТ

Василий Вонлярлярский. "Большая барыня". Москва, изд-во "Правда", 1988. С. 396 --422

OCR и правка: Давид Титиевский, май 2008.

Оригинал здесь: [Библиотека А.Белоусенко](#).

Приехать в Рим и не сделаться артистом так же трудно молодому русскому путешественнику, как, бывало, в старые годы трудно французу, приехавшему в Москву, не сделаться учителем или по крайней мере виконтом. По прибытии в Рим русский путешественник приобретает краски, палитру, кисти, белую войлочную шляпу с широкими полями и на дверях своей квартиры наклеивает бумажку с лаконической надписью: "Pittore Russo"¹. На другой же день преобразования, часу в девятом утра, у двери его непременно раздастся звонок, и на вопрос артиста-самозванца: "Кто там?" -- женский голос ответит: "Una modela, signor"², и артист с улыбкою отойдет дверь, и чрез пять минут копия модели начнет принимать на холсте вид бог знает чего. Заметьте притом, что русские путешественники, поступая на артистическое поприще и не имея ни малейшего понятия о рисовании, предпочитают преимущественно исторический род, то есть самый трудный из всех родов живописи.

Находясь а Риме, я, правда, был не совсем молодым человеком, но все-таки в качестве русского путешественника не отстал от соотечественников и, на третий день по прибытии своем в вечный город, возвращался уже на квартиру свою с большим запасом гипсовых голов, рук, ног, и пр. и пр., добытых мною за весьма сходную цену в какой-то лавочке, но вдруг... о несчастье! на углу Корсо и Лаурино огромная черная собака попала с разбега под ноги итальянцам, несшим гипсовый запас мой, и все собрание форм разбилось вдребезги! Я был в отчаянии. Хозяин собаки, человек средних лет с белокурою бород-

¹ "Русский художник" (ит.).

² Это натурщица, синьор (ит.).

кою и одетый очень пестро, извинился передо мною на чистом французском наречии, попросил снабдить его моим адресом и обещался доставить точно такое же количество вещей, какого лишила меня собака.

Я взглянул на пестрого господина, призвал на помощь свои воспоминания, которые удостоверяли меня, что лицо его когда-то и где-то мне встречалось; моя наружность, по-видимому, произвела на него то же действие, и почти в одно время мы назвали друг друга по имени.

-- Какими судьбами вы здесь? -- воскликнул он,-- и как я рад...

-- Очень просто, cher monsieur David¹.

-- He David, а Crosel к услугам вашим,-- заметил француз.

-- Давно ли?

-- С тех пор, как соотечественник ваш, у которого я, помните, учил детей латыни, вследствие небольшого недоразумения сказал мне: "Monsieur David, faites graisser les roues de vorte voiture et filez..."²

-- А в чем состояло маленькое недоразумение?

-- В том, что латынь, мною преподаваемая, показалась более похожа на марсельский patois³, чем на настоящую латынь! Я и сам постичь не могу, как мог я так ошибиться; но как бы то ни было, имя Давида потеряло весь кредит в губернии; а имея в запасе другое имя, я предпочел называться им.

-- И прекрасно сделали.

-- Как же не хорошо, сами посудите! Mr. Crosel значило -- новый француз, только что выпущенный первым из Политехнической школы, следовательно, обладающий бездною учености; и в Ecaterinoslavl такое сокровище e'est trois tzelkovy le cachet...⁴

-- И посчастливилось вам в Екатеринославе?